

Вернисаж

Друзья, коллеги по творческому цеху, почитатели искусства поздравили автора с персональной экспозицией «Здравствуйте! Это я...» (6+). Куратор выставки научный сотрудник галереи Ирина Терещенко, открывая вернисаж, подчеркнула: несмотря на отсутствие профессионального художественного образования, работы Валерия Романова известны в творческих кругах Магнитогорска.

– Представитель наивного искусства отражает особый мир, упрощённый и плоский, но представленный в уверенной и узнаваемой индивидуальной манере, – характеризует творчество Романова куратор выставки. – В лёгких и ярких живописных полотнах он обращается к извечным темам бытия: отношениям мужчины и женщины, поиску творческих путей и смысла жизни. Живописец приглашает зрителей оценить работы, в каждой из которых незримо присутствует и сам автор.

Работы Валерия Романова искусствоведы причисляют к любительским, но что есть профессионализм и любительство в искусстве? Существуют тысячи полотен самодельных художников, отмеченных светом высокого искусства. Не меньше и полотен профи, работы которых трудно причислить к творческим откровениям.

Олег Базылев, поздравив автора с экспозицией, сослался на высказывания Пикассо, который считал, что мировую известность приобрёл лишь тогда, когда стал придуряться. Если быть ближе к оригиналу, то будущее за теми художниками, которые умеют кривляться.

Автор экспозиции поблагодарил публику за интерес к его творчеству, пригласил к диалогу, отметив, что похвала всегда приятна, критика – горька, но полезна. Главное, чтобы к работам не остались равнодушными.

В самопрезентации Валерий Романов изложил этапы жизненного и творческого пути: за плечами школа рабочей молодежи, служба в армии, работа контролером в центральной заводской лаборатории ММК. С конца 80-х он активный ученик изостудии комбината, которой в те годы руководил Евгений Белицкий. За 35 лет активного творчества он пополнил свои запасники сотней живописных работ. Валерий Николаевич – участник групповых и персональных выставок в Магнитогорской и Белорецкой картинных галереях. Его авторские экспозиции выставлялись в помещениях центральной заводской лаборатории. Живописные полотна были представлены на X и XI региональных выставках «Урал» в Челябинске и Тюмени. В 2008 году появилось ещё одно увлечение – поэзия. Через десять лет друзья помогли издать сборник стихов «Мы жили с тобой...». Некоторые из своих живописных и поэтических творений Валерий Николаевич оценивает, как «довольно недурные».

Перед тем как пригласить гостей в зал, Валерий Романов прочёл своё стихотворение, поэтический образ одной из строф ёмко выразил дух его творчества – «добра и счастья волны».

Неблагодарное это дело – вербальное переложение живописных полотен. Реалистичные изображения сметают все языковые преграды, они близки и понятны людям с гуманистическими идеалами. Однако уровень работ определяет не только тематика и идея, но и качество исполнения. Так, полотно «Здравствуйте! Это я...», ставшее названием выставки, – это автопортрет или просто портрет... мужского затылка. Идея на поверхности: художник приглашает зрителей раз-

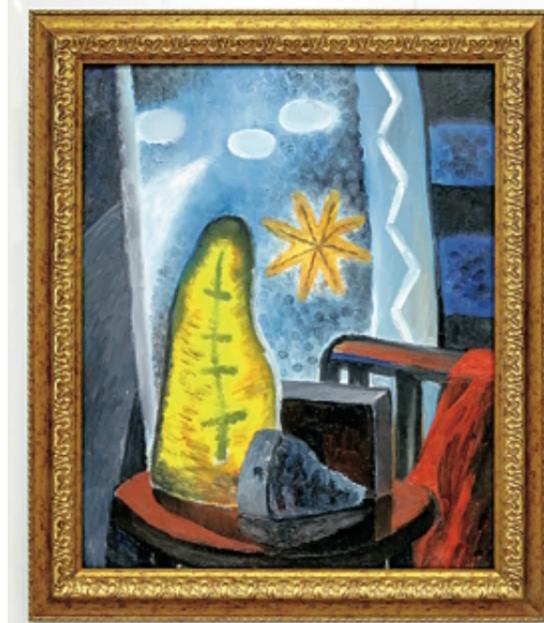
Через призму одуванчика

Новый выставочный сезон картинная галерея открыла экспозицией Валерия Романова

Валерий Романов

© Андрей Серебряков

делить его восторг перед величием Вселенной: солнцем, двумя лунами, звездами, буйством флоры. В работе «Да здравствует солнце!» меняется ракурс: крыши садовых домиков и зелёных сфер перекрывают часть знакомого лица – по всей видимости, автопортрета. Полотно разделено восьмилетним периодом, а кажется, что диптих. Что касается

плоскостного изображения, то искусствоведы считают эту манеру «неповторимым авторским стилем» Валерия Романова.

В этой же стилистике выполнено полотно «Овер 27.07.1890». Художник с этюдником удаляется в жёлто-оранжевое марево прямоугольника. Загадка названия требовала расшифровки. За пояснением

к Валерию Николаевичу обратился не только журналист.

– Это название французского городка. В этот день Ван Гог отправился на этюды, ходил по полям, а потом пустил себе пулю в сердце и через два дня скончался.

Чтобы люди не ломали голову, всего-то и нужно было, что ввести в название имя художника. Навскид-

ку трудно вспомнить судьбоносные даты жизни гения. Пусть даже Ван Гог.

Образ и живописная манера основоположника постимпрессионизма угадывается и в работе Валерия Романова «Лето. Художник под дождём». У Ван Гога – «Дорога в Овере после дождя». Опасаясь неверно истолковать полотна художника-любителя, обратилась к профессионалу – бывшему руководителю народной изостудии ММК Евгению Белицкому.

– Он стал несерьёзно относиться к своему творчеству. У него был «золотой» период – работы, близкие к природе. Таких не менее полутора десятков. В те годы он был скромнее, но с тех пор как стал писать стихи – изменился. Тот, прежний, мне нравился больше. Там была надежда на великих, а здесь он «сдергивает» у великих. Отношение к работам неоднозначное.

Евгений Петрович выразился по-простому: «Лупить его надо, лупить», – что в переводе с языка творческой богемы означает критиковать. Валерий Романов с оценкой работ не согласился.

– Вы неправы, – горячился Валерий Николаевич. – Я соединил землю с космосом, показал, как космос оказывает влияние на всё земное. Хотел всё «перемешать» в одном холсте. Это и не совсем реализм, и не совсем абстракционизм. Старался как мог.

– Перемешивай, что хочешь, но, изображая натуру, работай, рисуй! Вот здесь, – Евгений Белицкий указал на разноцветные плоские крыши садовых домиков.

От дебатов ученика и учителя перейдём к знакомству с работами, которые выделил его бывший наставник: «Весна», «Одуванчик», «Натюрморт со звездой». Небольшие по размеру, они, скорее, относятся к авангардизму. Картины – впечатления, передающие состояние природы и душевный настрой поэтической натуры художника. К слову сказать, именно «Одуванчик» отметила одна из почитательниц таланта Валерия Романова, написав в гостевой книге: «Спасибо за мажорное настроение, обусловленное буйством красок и позитивным взглядом на бытие в разных его проявлениях. Желаю через сферу одуванчика, как через призму, увидеть путь к новому витку в живописном творчестве, а также в поэтическом».

Чистота и яркость палитры работ действительно настраивают на жизнерадостный лад. Фигура «Философа в саду» буквально растворяется в бело-розовых облаках цветущих деревьев. В «Весне» первый дождь пробуждает к жизни сочную зелень, в «Осени» тёмный силуэт уходящего человека контрастирует с бравурной палитрой природы. Иные ассоциации рождают огромные полотна «Флора» и «Ночь». Они отличаются разве что названием: идентичны по композиции, цветовой палитре. В центре каждой – женский образ, вызывающий в памяти кустарные изделия советского быта – расписные клеёнчатые коврики с пышнотельными красавицами: теперь их называют немецким словом китч и относят к народному творчеству.

Завершая разговор о выставке, позволю себе сослаться на высказывания Пикассо: «Живопись – занятие для слепцов. Художник рисует не то, что видит, а то, что чувствует. Все пытаются понять живопись. Почему они не пытаются понять пение птиц?» Думаю, изречения подытожат впечатления от выставки. Можно до хрипоты спорить о технике и живописной манере Валерия Романова, принимать, понимать или критиковать работы. И профи, и дилетанты высказывали полярные точки зрения. Главное – на открытии, как и хотел Валерий Романов, не было равнодушных.

© Ирина Коротких